

ОБРАЗ ПОВЕСТВОВАТЕЛЯ-РАССКАЗЧИКА КАК ПОСРЕДНИКА МЕЖДУ АВТОРОМ И ЧИТАТЕЛЕМ В РАССКАЗАХ В. М. ШУКШИНА

Анотація. У статті висвітлено особливості втілення образу героя-оповідача як посередника між автором і читачем в оповіданнях В. М. Шукшина. Аналізуються основні риси образу героя-оповідача в контексті сказової манери оповідання.

Ключові слова: сказ, суб'єкт мови, образ автора, образ оповідача.

Аннотация. В статье исследуются особенности воплощения образа героя-рассказчика как посредника между автором и читателем в рассказах В. М. Шукшина. Анализируются основные черты образа героя-рассказчика в контексте сказовой манеры повествования.

Ключевые слова: сказ, субъект речи, образ автора, образ рассказчика.

Summary. The article investigates the features of embodiment of narrator-teller's appearance as a mediator between an author and reader in stories of V. M. Shukshin. The basic lines of appearance of narrator-teller are analysed in the context of skaz manner of narration. **Key words:** skaz, subject of speech, appearance of author, appearance of teller

Исследователи русской литературы последней трети XX века отмечают несколько тенденций в ее функционировании. Многие из ученых подчеркивают тот факт, что «... наиболее очевидной новой чертой <...> в современной литературе является <...> широчайшее освоение разговорного языка» [5, с. 65]. В 1960-1980-е годы, по их замечаниям, происходит преодоление обезличенного речевого и активизация стилистических поисков, «...ведущих к выработке самобытных речевых организаций» [4, с. 90]. В подобных условиях не могла не актуализироваться сказовая форма повествования. Сказ претерпел различные изменения, но не вызывает сомнения тот факт, что он не теряет своей актуальности. В русской литературе 1970-2000-х годов сказ предстает достаточно продуктивной формой. Данную тенденцию отмечают и литературоведы: И. А. Карагин подчеркивает, что «... в современной прозе происходит интенсивное развитие сказовой формы» [4, с. 93]. Сказ как форма повествования уже на протяжении многих десятилетий предстает объектом пристального внимания со стороны исследователей. В литературоведении сказом принято называть особую повествовательную форму русской прозы, теоретические аспекты которой исследовали такие ученые как М. М. Бахтин, Б. О. Корман, Б. М. Эйхенбаум, В. В. Виноградов, Ю. Н. Тынянов, Б. А. Успенский, Е. Г. Муценок, В. П. Скобелев, Л. Е. Кройчик, Н. А. Кожевникова, И. А. Карагин и др.

Ориентируясь на сказовую традицию создают свои произведения такие яркие представители «деревенской» прозы 1970-1980-х гг. как В. И. Белов, С. П. Залыгин, В. М. Шукшин, Ф. А. Абрамов, Б. А. Можаяв и др. На основе анализа работ по проблеме сказа мы пришли к выводу, что данную манеру речевого необходимо исследовать в соединении трех основных элементов – сказовые установки, образ героя-рассказчика и особенности авторской позиции в ее соотношении с позицией героя-рассказчика. Целью настоящей статьи является исследование образа повествователя-рассказчика как посредника между автором и читателем в рассказах В. М. Шукшина.

Среди ученых, изучавших специфику творчества В. М. Шукшина, выделяются своей основательностью исследования В. А. Апухтиной, В. Ф. Горна, В. С. Елистратова, В. И. Коробова, О. В. Илюшиной, Т. Г. Свербиловой, В. К. Сигова, А. А. Чувакина. Данные исследователи отмечают тот факт, что структурная организация образа автора может быть исследована на разных уровнях, однако основное внимание следует уделять анализу его субъектных организаций. Субъект речи рассказов В. М. Шукшина в основных чертах остается неизменным. В различных рассказах писателя обнаруживается тождество субъекта повествования, которое отображено в постоянстве повествовательной манеры. Внешняя «элементарность» повествовательной манеры определяет у В. М. Шукшина как облик носителя изложения, так и позицию его по отношению к художественному миру произведений. Ее можно обозначить как внутреннюю – повествователь находится в гуще событий, рядом с героями.

Не случайна анонимность и предельная неконкретность индивидуального образа автора. Персонифицированный рассказчик может повествовать о происходящих событиях только со своей, сугубо субъективной и ограниченной точки зрения. Шукшинский герой-рассказчик, связанный по своему положению с массовой народной жизнью, становится, прежде всего, носителем коллективного сознания. Его ограниченность весьма условна, поскольку именно социальная определенность рассказчика делает его выразителем народного сознания.

«Рассказчики, – писал М. М. Бахтин, – повсюду привлекаются как специфические и ограниченные, но продуктивные в самой этой ограниченности и специфичности словесно-идеологические точки зрения, особые кругозоры, противопоставляемые там литературным кругозорам и точкам зрения, на фоне которых они воспринимаются. Речь таких рассказчиков всегда – чужая речь (в отношении к действительному или возможному прямому авторскому слову) на чужом языке (в отношении к той разновидности литературного языка,

которой противопоставляется язык рассказчика). И в этом случае перед нами «не прямое говорение» – не на языке, а через язык, через чужую языковую среду, а следовательно, и преломление авторских интенций» [1, с. 127]. В. М. Шукшин вводит особый тип рассказа, ориентированный на массовую народно-разговорную речь. В шукшинских рассказах отсутствует именно выражение индивидуально-личностного отношения рассказчика к событиям и героям, так как писателю важна в первую очередь не индивидуальная характерность, а субстанциональная сущность речи демократического большинства, массы, находящая свое выражение не только в прямой речи, но и в авторском повествовании. Стертость, редуцированность индивидуально-личностного начала в образе шукшинского рассказчика выявляет его как некое «обобщенное» лицо из народа, проявляя заложенные в нем черты массового народного сознания. Его слово демократично в самом широком смысле: бытовые истории из жизни обычных, ничем не примечательных людей рассказываются в бытовом, сниженном стиле. Сама будничность материала, лежащего в основе произведений, и определяет стилевую установку всей повествовательной системы его рассказов – полное замещение образа автора «мнимым автором», «точкой зрения» [2, с. 352, 48].

Образ рассказчика при этом не перерастает в литературный характер: в нем отсутствует структурно выраженная конкретность, нет определенности индивидуально-личностного отношения. Отсутствие каких бы то ни было индивидуально-конкретных примет и становится главной сущностью этого образа – лица, растворенного в общей массе. С другой стороны, через этот образ сама масса получает возможность для самовыражения. Рядом с «низким», бытовым героем, героем, по выражению С. П. Залыгина, «в кирзовых сапогах», существует почти незаметный повествователь в таких же сапогах [7, с. 178].

Поскольку условный повествователь у Шукшина безличен и непсонифицирован, он сохраняет свой авторский статус, а следовательно, авторское слово воплощается в слове демократического рассказчика, связанного всеми своими проявлениями с массовой народной жизнью. Именно «растворенность» субъекта речи в художественной реальности, неотчетливость его лица обеспечивают возможность представления в своем слове авторской инстанции. Как верно отметил Б. О. Корман, «субъект речи тем ближе к автору, чем в большей степени он растворен в тексте и незаметен в нем. По мере того как субъект речи становится и объектом ее, он отдаляется от автора. Чем в большей степени субъект речи становится личностью со своим особым складом речи, характером, биографией, тем в меньшей степени он непосредственно выражает авторскую позицию» [6, с. 202].

В самой организации повествовательной системы, основанной на взаимодействии и взаимной

соотнесенности слова персонажа со словом социально-характерного рассказчика, осуществляющего к тому же авторские функции, проявляется то внимание к духовному миру обычного рядового человека как носителя народного мироощущения, которое характерно для литературы того времени. Слово персонажа, объединенное со словом характерологического рассказчика, выступающего в роли автора, получает большую смысловую нагрузку, сообщает огромную значимость выражению глубинных первооснов народного бытия. Например, в «Алеше Бесконвойном»: «... И пошла тут жизнь – вполне конкретная, но и вполне тоже необъяснимая – до краев дорогая и родная» [9, с. 134].

В. М. Шукшин тяготеет к структуре, не рассчитанной на контрастирующие стилевые пласты и не просто единой, а внутренне однородной, где авторская речь органически близка к современной народно-разговорной речи. Так отражается в шукшинском стиле единая национальная языковая стихия – общенародного русского языка. «Шукшин воспроизвел в своих рассказах с необыкновенной точностью, – писал один из критиков, – тот жаргон, ту неповторимую словарно-стилистическую мешанину, на которой говорит ныне огромное число людей, проживающих на социальных и географических перекрестках» [8, с. 208].

Авторское повествование в шукшинских рассказах представляет собой синтез социально-конкретных форм речи. Несмотря на выход за рамки литературного языка, соотнесения речи рассказчика с литературной нормой не происходит, так как нормы письменно-книжной традиции и устно-разговорной речи лежат в разных плоскостях и не могут быть соотнесены друг с другом. О любой внелитературной сказовой форме В. В. Виноградов говорил, что она имеет «как второй языковой план, подоснову “общего” языка, на восприятие с его точки зрения рассчитана» [3, с. 75]. Шукшинское повествование, заключающее в себе сущность речевого выражения современной народной массы, исключает сопоставление с таким «вторым языковым планом», имея «подоснову общего языка» внутри самого себя [3, с. 75]. Повествование организовано таким образом, что различные формы речи, логически и стилистически однородные, не проецируются на определенную «норму», хотя бы и находящуюся за пределами текста, а сами начинают выступать как нормативные, образуя внутри себя некую «норму» современной народной речи, не соотносимую и не сопоставимую с литературной нормой. Однако не только в речи может быть употреблено слово, далекое от литературной нормы («не в детсаде»), но и в авторском повествовании («то и дело влипал в какие-нибудь истории») [10, с. 294, 290].

Традиционные представления о речевой и повествовательной норме связаны с образом автора, с которым соотносится образ рассказчика в сказе.

Выражение авторского начала в демократически ориентированном носителе речи производит парадоксальное смещение: теперь черты нормативности должны быть связаны с образом рассказчика, отклоняющегося от языковой и повествовательной нормы. Единая стилистическая сфера речевого взаимодействия демократического социально-характерного рассказчика и персонажей образует внутри себя некую «норму» народной речи, по своей сути не соотносимую и не сопоставимую с повествовательной нормой. Художественный мир Шукшина – это мир повседневности, будничности, житейской прозы, сливающийся с реальным миром в единое целое. Повествовательная норма как категория условного мира литературных произведений как бы становится недействительной для своеобразной «реальности» шукшинских рассказов.

Выход за пределы этой нормативной в рассказах Шукшина речевой структуры осуществляется только в диалогах. В рассказах «Срезал», «Нольноль целых», «В профиль и анфас», «Выбираю деревню на жительство» и др. персонажи проявляют себя, применяя различные формы «полукультурной» речи, а распределение речевых красок в прямой речи персонажей способствует пониманию того или иного характера. Такие языковые средства как книжные штампы, газетные клише, канцеляризмы, иноязычные слова входят в авторское повествование только в иронически обыгранном, пародийном виде (например, «срезал знатного гостя») [10, с. 456]. Однородность повествования при сочетании различных типов (несобственно-прямая речь, несобственно-авторское повествование, монолог рассказчика) ведет к возникновению своеобразной нормативной установки – образуется органическое сочетание, воплощающее в себе современную общенародную речь. Именно такой стиль становится для автора формой передачи современной народной жизни, содержащей в себе свой смысл.

Такой обобщенный образ повествователя-рассказчика, каким он предстает у Шукшина, тяготеет к общенародной основе, заключающей критерии массовой народной жизни и ориентированной на фольклорность. Фольклорное начало, хотя и неявно обозначенное, является чрезвычайно существенным в образе рассказчика. Проявление его наблюдается в общем строе речи, в характерной для народной поэзии инверсии (эпитет ставится позади определяемого им слова – Чудик «влипал в истории мелкие, впрочем, но досадные»), в синтаксических особенностях, свойственных фольклорному типу, а именно регулярное употребление союза «и» в качестве связи между предложениями, что является средством имитации традиционного народного сказа [10, с. 290]. Общий тон сказывания может сочетаться с традиционными фольклорными зачинами («Жил-был в селе Чебровка некто Семка Рысь») и с другими сказовыми формами («Стали они с Валюшей жить-поживать...»)

[10, с. 405, 545]. Опора на традиции фольклора в известной мере проявляется в особом лаконизме и простоте, весомости каждого слова и выражения рассказчика.

В понимании самого В. М. Шукшина его новеллистические произведения соотносились с жанром устного народного рассказа, а представления о его собственных писательских задачах связывались с ролью народного рассказчика: «Я вырос в крестьянской среде, где представления о том, что такое искусство и для чего оно вообще существует, были особыми. А представления таковы, что они уводят искусство больше к песне, к сказке, к устному рассказу и даже к складному вранью, но весьма творческого, замечу, характера. Вот отсюда у меня многое и пошло... Если конкретизировать и искать дальше истоки того творческого пути, которым иду, то они лежат в искусстве устного рассказа. Помню устные рассказы моей матери. Помню, как мужики любили рассказывать всякие были и небылицы, когда случалась какая-то остановка в работе, когда они присаживались перекурить в поле. Да и сейчас это искусство устного рассказа еще живо в народе... Есть, видимо, в нем какая-то глубокая потребность. А если есть потребность, то и мастер всегда найдется» [9, с. 295-296].

Образ рассказчика в художественном мире шукшинских рассказов – это именно тот образ, с помощью которого фрагменты объединяются в целое, размыкается обозначенный в каждом отдельном рассказе круг персонажей, преодолеваются его узость, локальность, конкретность. Даже в пределах одного рассказа могут быть объединены эпизоды, соединенные не столько сюжетом, сколько обликом самого рассказчика. Так, в рассказе «Чудик» отдельные эпизоды из жизни героя, которого жена называет Чудиком, поданы как доказательство того, что «с ним постоянно что-то случалось» [10, с. 290]. Обронив это замечание, рассказчик начинает свое повествование с фразы: «Вот эпизоды одной его поездки» [10, с. 290]. И лишь в конце рассказа также коротко сообщает его настоящее имя – Василий Егорыч Князев, возраст и профессию.

Понимание роли автора самим художником – вопрос, определяющий во многом структурную организацию произведения. Появление нетрадиционного образа автора-рассказчика в шукшинской новеллистике определялось как авторским самоощущением В. М. Шукшина, так и пониманием им своих писательских задач.

Основываясь на своем личностном мироощущении, оттолкнувшись от своего бытового житейского поведения, В. М. Шукшин строит в своих рассказах художественную модель авторского «я», не проецируя ее на образ традиционного повествователя-писателя, а как характерологическую субъектную сферу. Такая специфичность авторского образа и авторской позиции очень точно объясняется С. П. Залыгиным: «Шукшин принадлежал русскому искусству в той его традиции, в силу

которой художник не то чтобы уничтожал себя, но не замечал себя самого перед лицом проблемы, которую он поднимал в своем произведении, перед лицом того предмета, который становился для него предметом искусства» [7, с. 6].

Образом писателя-рассказчика, который создает В. М. Шукшин, устраняется дистанция между читателем и изображаемым миром. Взаимодействие авторского взгляда с предметом повествования основано в рассказах писателя на едином принципе: нет как будто ни временной, ни про-

странственной отстраненности автора, отсутствует дистанция между миром и рассказом о нем. Живая разговорная речь, диалогическая структура повествования, особый тип отношений героя и рассказчика строят модель художественного мира в особой – открытой в реальную действительность – структурой. Возникает объективный образ мира, заданный диалогическими отношениями автора и персонажей, с одной стороны, автора и читателя – с другой, т.е. особой структурой текста.

Література

1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М.: Художественная литература, 1975. – 504 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М.: Искусство, 1979. – 424 с.
3. Виноградов В. В. О языке художественной прозы: Избр. труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 360 с.
4. Каргашин И. А. Сказ в русской литературе. Вопросы теории и истории / И. А. Каргашин. – Калуга: Институт усовершенствования учителей, 1996. – 160 с.
5. Кожин В. В. Статьи о современной литературе / В. В. Кожин. – М.: Современник, 1982. – 303 с.
6. Корман Б. О. Итоги и перспективы изучения проблемы автора. Страницы истории русской литературы / Б. О. Корман. – М.: Наука, 1971. – 272 с.
7. Коробов В. Василий Шукшин. Творчество. Личность / В. Коробов. – М.: Советская Россия, 1977. – 178 с.
8. Панкин Б. Василий Шукшин и его «чудики» / Б. Панкин // Строгая литература. – М.: Советский писатель, 1982. – С. 188-210.
9. Шукшин В. М. Собр. соч.: В 3 т. Т 1 / В. М. Шукшин. – М.: Мол. гвардия, 1985. – 640 с.
10. Шукшин В. М. Собр. соч.: В 3 т. Т 2 / В. М. Шукшин. – М.: Мол. гвардия, 1985. – 591 с.
11. Шукшин В. М. Собр. соч.: В 3 т. Т 3 / В. М. Шукшин. – М.: Мол. гвардия, 1985. – 671 с.

Стаття надійшла до редакції 1.04.2011